

О КОСМОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Рассматриваются проблемы культурологии, семиотики и сопоставительной лингвистики в свете теории модели мира и языковой картины мира на примере космологических представлений и их репрезентаций в английском, башкирском и русском языках.

Ключевые слова: системность; ценности; эволюционизм; язык-текст.

Языкознание как наука о языковом общении все ближе связывается с современной социологией, культурной антропологией и семиотикой. Изучение коммуникации через любые сообщения, не только языковые и знаковые, язык как средство построения различных текстов и надязыковых систем (семиотических моделей мира), исследование языковых текстов, служащих знаковым задачам надязыковых систем (мифологии, ритуала, религии, философии и т.п.), – вот некоторые из лингвистических направлений, связанных с решением основного вопроса философии. Это проблемы природы и сущности языка (прежде всего, его социальной природы), отношения языка и общества, знакового характера языка, проблемы идиоэтнического и универсального в языке и др. Язык оказывается универсальным орудием описания, классификационной сеткой, семантической основой картины мира (Т.В. Цивьян). В этом смысле можно говорить об уникальности языка как особом коде модели мира [1. Кн. 1. С. 33]. Семиотическое описание модели мира возможно на уровне универсалий и в проекции на конкретные традиции. Такое описание учитывает разные коды, представляющие модель мира, и особенно выделяет лингвистический код, который в определенном смысле составляет каркас модели мира.

В XX в. идея мифологичности, символичности и знаковости всех человеческих представлений приобретает статус абсолютной истины. Складывается новое понимание мира, в основе которого – философия системности, исходящая из многовариантности, нелинейности и открытости Вселенной. Концепция «системы», представляющая новую парадигму науки (Т. Кун) или новую философию природы (Л. фон Бергаланфи), заключается в организмическом взгляде на мир как на большую организацию, в отличие от механистической картины мира с законами природы [2. С. 59]. Культура стала пониматься как сложная многоуровневая система самых разных текстов и моделей (Ю.М. Лотман). Разрабатываются теории знаковых систем и типы знаков (вербальные, естественные, иконические, символические), теории первичных знаковых средств культуры и вторичных моделирующих систем, теории вторичных языков культуры и культурных кодов [3]. На данном метаязыке в виде особого рода языков и текстов можно представить и такие формы культуры, как мифология и мифологические представления.

Границы между языком и культурой воспринимаются условно, поскольку язык выступает в качестве важнейшего фактора самой культуры, мыслимой как содержание, реализующееся в языке. Трансцендентальная философия в современном понимании стремится выявить единство в многообразии культур и культурного творчества. Исходным пунктом неоканти-

анской философии культуры является допущение некоего универсального сознания. Там, где речь идет об истинных культурных ценностях, мы не действуем как индивиды или только как представители нашего рода, но как хранители и носители сверхэмпирических функций разума (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) [4. С. 136]. Человек, становясь автором произведений культуры, выступает выразителем универсального разума, единого по своей структуре.

Культура может интерпретироваться как совокупность обозначимых ценностей и норм, которые служат обоснованием единства многообразных форм культурного творчества и выявляют единые механизмы творческого синтеза. Предметная действительность, существующая в форме мифа, искусства, науки есть символически сформированная реальность, созданная деятельностью человека. В категориях гегелевской диалектики человек воспринимал мир в виде универсальных архетипических образов, заключавших в себе универсальные смыслы. В различных концепциях они получили самые разные обозначения – Космическое сознание и мир вечных идей (Платон), Абсолютный дух (Гегель), коллективное бессознательное (К. Юнг). Архетипические первообразы как структурные элементы коллективного бессознательного образуют символы. Мифический символ есть история, т.к. он соотносится с эмпирическим становлением человека (А.Ф. Лосев) [5. С. 42]. Символ не только универсален, но и изменчив. Предметы обозначаются разными словами на различных языках. Значения имеют отношение к словам, но не к вещам, что и придает словам характер символических образований. Через символы можно постичь то, что хочет сказать человек, но не сущность того, о чем он говорит. Это различие позволяет понять, как устроена человеческая культура. О. Шпенглер считал, что «каждая культура находится в глубоко символической связи с материей и пространством, в котором и через которое она стремится реализоваться» (цит. по: [2. С. 13]). Культура интерпретируется как исторически передаваемая система значений, воплощенная в символах, как система унаследованных представлений, выраженных в символической форме. В символическом мире человек получает возможность выходить за пределы чувственного опыта, ограниченного физически конечными пространственными и временными рамками.

Существование всеобщих черт культуры одни исследователи объясняют основными стимулами, определяющими человеческую деятельность, – самосохранение, репрезентация себя, самоудовлетворение и т.д. Другие дополняют наличие внешних факторов, определяющих человеческие реакции на биологические ритмы в природе, на животных, растения и другое внешнее окружение, наличие фактора научения и вос-

питания, формирование базовой культурной привычки – навыка воспроизведения тех или иных реакций при одинаковых условиях. Биологические, психологические и социально-культурные универсалии дают возможность сравнивать культуры в терминах, которые не являются этноцентричными. Различия между культурами проявляются в способах удовлетворения потребностей и в характере передаваемых от поколения к поколению вторичных потребностей, порождаемых самой культурой.

Интерпретации бытия ограничены, т.к. определены языком. Э. Кант полагал, что вещь-в-себе (бытие как референт языка) непостижима, и язык предлагает не понятия в строгом смысле, а метафоры вещи-в-себе. Люди говорят на языке, неосознанно подчиняясь некоторой системе правил, которая будет присутствовать всегда. Универсум человеческой культуры понимается как структурированный согласно сети интерпретант, фактически бесконечный, ибо допускает множественные интерпретации, реализуемые различными культурами, и не завершённый текст (Р. Барт), существующий как регулятивная идея семиотической энциклопедии (У. Эко). Таким образом, текст и язык культуры – это открытый универсум, в котором интерпретатор может раскрыть бесконечные взаимосвязи.

Согласно Ч.С. Пирсу, не существует однозначного соответствия между означаемым и означающим. Поэтому возникает семиозис, суть которого в том, что любой знак является интерпретантом других знаков и любой интерпретант интерпретируется другими знаками. По мнению У. Эко, семиология изучает не мыслительные операции означивания, а коммуникативные конвенции как феномены культуры. «Семиологию не заботит, существуют ли на самом деле единороги или нет, этим вопросом занимаются зоология и история культуры, изучающая роль фантастических представлений, свойственных определенному обществу в определенное время, зато ей важно понять, как в том или ином контексте ряд звуков, составляющих слово “единорог”, включаясь в систему лингвистических конвенций, обретает свойственное ему значение и какие образы рождает это слово в уме адресата сообщения, человека определенных культурных навыков, сложившихся в определенное время» [б. С. 33]. Другими словами, семиологию интересует отношение между символом и его значением, наличие или реальность референта для нее не существенна, а смысл – это динамический процесс изменения значений символа.

В процессе коммуникации автор и реципиент могут использовать не один и тот же код, может существовать множество кодов отправителя и получателя. Поэтому реальная интерпретация не будет абсолютно адекватной, сообщение может получить разнообразные коннотативные значения, поскольку реализуется в определенном контексте. В языке многое может быть заменено чем-нибудь благодаря скрытой сети потенциальных связей, существующих по воле культурных конвенций. К примеру, метафора выводит наружу парадоксы, скрытые в языке. Благодаря метафорам текст делается перманентно двусмысленным и полисемичным. Объективных репрезентаций окружающей реальности не бывает, поскольку они изначально содержат в

себе определенным образом интерпретированную реальность, и даже самая правдоподобная реальность идеологична. Процесс семиозиса всегда детерминирован – его гарантом выступает сообщество. Некоторые интерпретации просто недопустимы, поскольку не санкционированы данным сообществом. В тексте символы привязаны к контексту. Прагматически символы открыты бесконечным значениям, но синтаксически или текстуально они открыты лишь для интерпретаций, допускаемых контекстом.

Тексты представляют собой человеческий способ сведения мира к управляемому формату, открытому для интересубъективного интерпретирующего дискурса (У. Эко). Нечто, приписываемое символу, не может закрепиться за ним навсегда, истолкование выявляет несколько значений, из них ни одно не является главным и даже может сочетаться с противоположными смыслами. Символ сообщает о фундаментальной противоречивости сущего, поскольку неисчерпаемое количество означающих символизирует единственное означаемое – неисчерпаемость смыслов любого текста. Например, *лев* в Библии выступает как образ Христа и как образ антихриста, Дьявола [7. С. 196]. Схоластика не могла допустить множество толкований Библии и установила традицию «правильной» интерпретации. Структурализм, как и схоластика, придавая особое значение кодификации и систематизации, утрачивал провозглашенный им объективизм, пытаясь понять, каким образом возникает смысл и, в конечном счете, навязывая смысл изучаемому феномену. Тем самым игнорируется историческая действительность, изменчивость, присущая вещам и явлениям. В отличие от структурализма, семиология вводит неструктуралистские элементы теории Ч.С. Пирса и отказывается искать некий Код кодов или Пра-систему как последнее основание культуры и коммуникации. Семиотический анализ позволяет обнаружить за любым феноменом, который кажется естественным, далее не расчлененным и первичным, некую условность, конвенцию, фактор культуры. Семиотика способна отыскать заключенную в способе коммуникации мотивированность.

Имея дело со знаками, интерпретатор пользуется смыслами, предоставленными ему культурой. Общество эволюционирует, создавая свои культурные миры, которые конституируются кодами. Тем самым утверждается некий культурный порядок. Мир культурных конвенций лишь опосредованно связан с физической реальностью. Проблема пределов интерпретации выступает как проблема границ понимания, которые определены культурой и доминирующими в этой культуре текстами.

В анализе взаимоотношений языка и модели мира допустимо не ограничиваться пониманием языка исключительно как средства коммуникации и пониманием культуры чисто в информативных параметрах. Язык моделирует мир не только через сложение своих элементов в текст, но и через свою парадигму (В.Н. Топоров). Тем самым постулируется понятие языка-текста. Лингвистический уровень подталкивает к выходу за свои собственные пределы. Накопленный материал требует классификации и интерпретации, а теория указывает на особую роль языка в формировании и описании модели мира.

Рассмотрение языка через призму мифологического мышления приводит к реконструкции категорий духовной культуры. Интерпретация культурных кодов позволяет представить языковую картину мира, единицы языка культуры, систему ценностей конкретного этноса и этносов. Космологические представления зародились в глубокой древности из наблюдений человека за небом и небесными объектами. Люди наблюдали и наблюдают за Солнцем, Луной, другими небесными телами и явлениями из-за характера своего образа жизни и занятий. Древние представления выражались в поклонении и многочисленных ритуалах, обрядах, мифах. Это, в свою очередь, отражалось в языковой картине мира в самых разнообразных формах – метафорах, устойчивых выражениях, пословицах, загадках, приметах.

По космологическим представлениям **Солнце** – сердце космоса, олицетворение высшего космического принципа, «разум мира», олицетворение жизни, света, силы и энергии. По К. Юнгу, Солнце – «символ источника жизни и высшей цельности человека» [7. С. 520]. Мифологическое мышление выражается в диффузности, неотделимости от эмоциональной сферы, всеобщей персонификации [8. С. 653]. Во многих мифологиях Солнце – верховное божество: египетский Ра, персидский Митра, греческий Гелиос-Гелий, ацтекский Тонатиу, японская Амаэрасу и др. Для древних тюрков Солнце было одним из семнадцати божеств, управлявших Вселенной [9. С. 564].

В английской языковой картине мира *sun* ‘солнце’ имеет внешность человека – *sun’s eyelashes* ‘мор. лучи солнца на фоне темного облака’ (букв. ресницы солнца), обладает человеческими свойствами – *to rise with the sun* ‘вставать рано’ (букв. вставать вместе с солнцем), *sunrise* ‘восход солнца’ (букв. солнце встает), *sun-set* ‘заход солнца’ (букв. солнце садится).

Солнце символизирует свет – *to close the shutters to shut out the sun* ‘закрыть ставни, чтобы затемнить комнату’ (букв. чтобы не впустить солнце), *sunlit, sunny* ‘освещенный солнцем’, тепло – *to bask in the sun* ‘греться на солнце’, выгодное положение – *a place in the sun* ‘тепленькое местечко’, власть – *to adore the rising sun* ‘заискивать перед новой властью, искать милости у человека, приобретающего власть’.

Солнце ассоциируется с чем-то неизменным и постоянным – *certain as the rising sun* ‘так же верно, как то, что солнце взойдет, т.е. наверняка, несомненно, дело верное’, *the morning sun never lasts a day* ‘ничто не вечно под луной, все проходит’ (букв. утреннее солнце никогда не будет весь день). Путь солнца по небу неизменен, это было давно подмечено и с тех пор используется каждый день – *with the sun* ‘по часовой стрелке’ (букв. вместе с солнцем), *against the sun* ‘против часовой стрелки’ (букв. против солнца), *sun-dial* ‘солнечные часы’. Используется, поскольку это мудро и благоразумно – *sunwise* ‘по часовой стрелке’ (букв. солнце + мудрый; уст. способ, образ). Солнце на небе, в этом мире, одно и светит всем – *under the sun* ‘в этом мире, на земле, на нашей планете’. Ср. в русском языке – *Есть правда под солнцем* (т.е. на земле, у людей).

Солнце может умыть, искупать – *sunbath* ‘солнечная ванна’, высушить – *sun-baked, sun-dried* ‘высушенный на солнце’, ослепить – *sun-blind* ‘тент, навес’, *sun-blinkers* ‘защитные очки от солнца’, *sunburst* ‘яркие

солнечные лучи’, сжечь – *sunburn* ‘загар’, *sunburnt* ‘загорелый’, ударить – *sunstroke* ‘солнечный удар’.

Солнечный свет ассоциируется с радостью, весельем, счастьем – *sunshine* ‘солнечный свет; хорошая погода; веселье, радость, счастье; источник радости, счастья и т.п.’, *sunny disposition* ‘жизнерадостный характер’, *to look on the sunny side of things* ‘смотреть бодро на жизнь, быть оптимистом’ (букв. смотреть на солнечную сторону вещей, т.е. на сторону, освещенную солнцем).

Солнцу поклоняются – *sun-cult* ‘культ солнца’, *sun-worship* ‘солнцеклонничество’. С солнцем сравнивают окружающий мир – *sundew* ‘роса’ (растение), *sunflower* ‘подсолнечник’, *sun-stone* ‘солнечный камень’ (минерал), *sundae* ‘сливочное мороженое с фруктами, сиропом, орехами’.

В башкирской языковой картине мира *кояш* ‘солнце’ также обладает антропоморфными свойствами – *кояш сыга* ‘солнце всходит’ (букв. солнце выходит), *кояш торошо* ‘солнцестояние’ (букв. солнце + поза), *кояш бите* ‘солнцепек’ (букв. лицо солнца), *кояш колаккланыу* ‘появление ореола вокруг солнца’ (букв. появление ушей у солнца), *Ай күрзе – кояш алды* ‘показаться и тут же исчезнуть’ (букв. луна увидела – солнце забрало), *кояш ашай* ‘таять под солнцем / на солнце; выгорать, выцветать’ (букв. солнце съедает).

Выражение *кояш тотолоу* ‘солнечное затмение’ (букв. удержать солнце) отражает древние мифологические представления о том, что светило захватывается неким недобрым существом – злым духом, дьяволом. Солнце считалось священным, о нем нельзя было сказать ‘закатилось, зашло за горизонт, утонуло’, следовало говорить ‘солнце стало богатым’ – *кояш байый* ‘солнце садится’ (букв. солнце + богатеть) [8. С. 333–338]. Глядя на солнце, давали клятвы – *ана кояш* ‘клянусь солнцем’ (букв. вот солнце). Солнечный означает что-то радостное и счастливое – *кояшлы тормош* ‘радостная жизнь’. Ср. в русском языке – *Солнце правды* (то, что является источником, средоточием чего-н. ценного, высокого, жизненно необходимого).

Луна – женское начало мироздания в противоположность Солнцу как началу мужскому. С этим противопоставлением связано представление о небесном браке, который еще понимается как брак неба и земли.

Луна – олицетворение загробного мира и символ сокровенной, оккультной мудрости. Она выступает атрибутом Тота – египетского бога мудрости, счета и письма, который отождествлялся с Луной, считался сердцем бога Ра и изображался позади Ра-солнца [10. С. 302].

В античной традиции луна воплощалась в трех богинях – Артемиде (Диане) как богине дневной, светлой луны, Селене как богине лунного света, Гекате как богине черной луны. Гекату называли еще Трехликая, она традиционно соотносится с тремя фазами луны – новолуние, полнолуние, ущерб, и с тремя стадиями человеческого возраста – юность, зрелость, старость. В представлении тюрков Луна – одно из крупных светил неба, уступающее по яркости только Солнцу. В иерархии величин Луна находится на третьем месте после неба и Солнца [9. С. 337]. В христианской традиции полумесяц в руках Девы Марии означал женский принцип, несущий свет во тьму ночи. Этот же символ использовался византийцами как знак безопасности.

Если проследить символику Луны в различных пантеонах, можно увидеть, что связанные с Луной представления касаются, в основном, женщин. Уже в древности люди заметили сходство лунного цикла, т.е. жизни Луны с определенными жизненными циклами женщины. Отсюда, очевидно, сравнения женской красоты с лунной (ср. *луноокая, лунолика, луноподобная* в восточной традиции), многочисленные женские имена с компонентом из наименования данной планеты. Например, в словаре башкирских имен нам встретилось более тридцати единиц, хотя в мужских башкирских личных именах данный компонент также часто присутствует – *Айдилэ, Айсара, Айсултан, Айбулат, Айбүләк, Айгизэр* и др. В астрологии Луна считается «непостоянной, женской» планетой и в индивидуальном гороскопе символизирует эмоциональность [7. С. 334].

В английской языковой картине мира *moon* ‘луна’ уступает Солнцу по яркости – *the moon is not seen when the sun shines* ‘когда светит солнце, луны не видно’, и она находится где-то ниже и ближе, доступнее – *be / jump over the moon* ‘прыгать от радости, быть на седьмом небе от счастья’ (букв. быть / прыгнуть выше луны).

Луна также наделяется человеческой внешностью – *old moon in new moon's arms* ‘нарождающийся месяц на фоне слабо виднеющегося диска луны’ (букв. старая луна в руках молодой луны), человеческими свойствами – *the moon does not heed the barking of dogs* ‘собака лает, ветер носит’ (букв. луна не обращает внимание на лай собак).

Луна символизирует высокую цель – *aim / level at the moon* ‘быть тщеславным, честолюбивым, высоко метить’ (букв. равняться на луну), но когда-то практически недостижимую – *ask / cry / wish for the moon* ‘просить луну с неба, желать, требовать невозможного’.

Прагматичные англичане также использовали луну для сравнений – *moonfaced* ‘круглолицый’, но не почитали это за красоту – *moony* ‘похожий на луну, круглый; рассеянный, мечтательный, апатичный’, *moon-eyed* ‘страдающий куриной слепотой, воспалением глаз (о животном); с широко раскрытыми глазами, с круглыми глазами (от страха, удивления и т.п.)’.

Лунный свет не имеет такой положительной коннотации как солнечный – *moonshine* ‘лунный свет; фантазия, вздор’, *a moonshine in the water* ‘призрачная надежда, нечто нереальное’ (букв. лунный свет на воде).

Считается, что Луна влияет на биоритмы человека. В английской языковой картине мира представлено негативное влияние Луны на психику человека – *moon-calf* ‘идиот’ (букв. луна + теленок), *moonstruck* ‘помешанный’ (букв. побитый луной), *to moon* ‘бродить, двигаться, действовать как во сне; проводить время в мечтаниях’ (ср. рус. *лунатизм, лунатик*).

В башкирской языковой картине мира *ай* ‘луна, месяц’ также обладает человеческими свойствами – *ай тыуыу* ‘наступление новолуния’ (букв. рождение луны), *ай башы* ‘новолуние’ (букв. голова луны), *ай колаканыу* ‘появление ореола вокруг луны’ (букв. появление ушей у луны), *ай битен йыуа* ‘дождь в новолуние’ (букв. месяц умывается).

В башкирском языке представлены практически все стадии лунного цикла – *ай араһы* ‘конец старого и начало нового лунного месяца’ (букв. между месяцами),

ай башы / тыуган ай ‘новолуние’ (букв. начало месяца / родившийся месяц), *яңы ай* ‘молодой месяц’, *тулган ай / айзаһар* ‘полная луна, полнолуние’, *иске ай* ‘месяц на ущербе’ (букв. старый месяц). Это говорит о том, что для башкир важна была каждая лунная стадия, они понимали, что луна влияет на погоду, которая была крайне важной составляющей жизни народа, учитывая порой очень суровые климатические условия. Отсюда большое количество примет, связанных с лунными циклами и природными явлениями – *Если луна в ореоле, быть бурану; Если молодой месяц ярко светит, жди холода; Если во время зарождения молодого месяца подует ветер, он будет дуть до конца месяца* и др. Хотя примет, связанных с солнцем, с восходом и закатом солнца также немало, но они более субъективны, чем наглядные фазы-формы луны – *Если солнце видно издали, быть холоду; Если солнце низко опускается, завтра жди дождя; Если при заходе солнца с севера небо покраснеет, роса падет* и др. [11. С. 224–228].

Это может быть объяснено и религиозными верованиями – в исламе приняты лунный календарь и летоисчисление. Хотя само наименование ‘календарь’ в башкирском языке представлено заимствованным словом – *ай календары*, имеется и только башкирское обозначение лунного года – *ай йылы* (букв. лунный год). При этом не забываются и народные наименования – *кәжүк айы* ‘май’ (букв. месяц кукушки), *солтор ай* ‘февраль’ (букв. короткий месяц).

Связанные с луной коннотации исключительно положительные – *айзынлы* ‘светлый, лучезарный’, *айсарлы* ‘почтенный, уважаемый всеми’, *айсык* ‘уменьшит. от ай; название узора в виде полумесяца’, *айсыклау* ‘вывести на ткани узор в виде полумесяца’. Это отражается и в личных именах с компонентом из наименования луны – *Айбул* (букв. будь как луна светочем), *Айбәк* (букв. будь вечным как луна), *Айзаи* (луноподобный, особенный), *Айнур* (букв. лучезарный, яркий, красивый), *Айкояи* (букв. луна + солнце; дорогая, ценная), *Айназа* (букв. красивая и нежная) и др.

Звезда – один из древнейших общечеловеческих символов, символ вечности. В европейской традиции с XVIII в. – символ высоких стремлений, а затем и эмблема счастья (ср. *родиться под счастливой звездой*).

Согласно мифам, звезды – неотъемлемый элемент небосвода, воплощение земных животных, мифологических героев или их следов (ср. идея о Млечном пути как дороге богов). В Библии упоминаются две звезды – Вифлеемская, «благая», под ней родился Иисус, и «звезда-полюнь», олицетворяющая конец мироздания. Звезда у древних тюрков обожествлялась наряду с солнцем и луной. Она как высшее существо могла благоприятствовать или противодействовать каким-либо действиям.

С падающими звездами во многих культурах связаны конкретные представления, приметы, суеверия. В некоторых культурах падающая звезда на небосклоне означает смерть праведника. В китайской традиции это явление имеет положительное значение. В европейской традиции распространено суеверие о том, что если успеть загадать желание, пока звезда падает, оно сбудется.

Древняя астрономия знала семь «блуждающих звезд», семь планет, противопоставляемых звездам неподвижным. Семь планет – олицетворение божествен-

ных сил и влияний на человеческие судьбы. Они соответствуют семи планетарным небесам, определяют семь мировых направлений и семь дней недели как схему движения времени: Солнце – зенит, Луна – надир, Меркурий – центр, Венера – запад, Марс – юг, Юпитер – восток, Сатурн – север. Планеты соотносятся со знаками Зодиака, выступают как модусы мироздания, наделенные особыми характеристиками и связанные с конкретными чувствами, металлами, запахами, растениями и т.д. Кроме того, каждая планета ассоциируется с тем или иным модусом поведения человека: Солнце – воля и активность, Луна – воображение, Марс – действие и разрушение, Меркурий – интуиция и движение, Юпитер – руководство, Венера – любовь, Сатурн – выносливость и сдержанность. Названия дней недели ассоциируются с именами богов – англ. *Thursday*, нем. *Donnerstag*, четверг, «день Тора», бога-громовержца, *Friday, Freitag*, пятница, «день Фрейи», германо-скандинавской богини любви.

На Британских островах еще с бронзового века существовали святилища-обсерватории, позволявшие производить астрономические наблюдения, предсказывать солнечные и лунные затмения [12. С. 71]. Пратюрки хорошо знали основные, наиболее крупные планеты солнечной системы, знали об их главной особенности – подвижности, что отличает их от неподвижных, постоянных светил – звезд. Но вместе с тем они не проводили четкого различия в современном понимании между планетами и звездами, рассматривая планеты как звезды (в башкирском словаре нет исконного обозначения понятия «планета», используется заимствованное). Из современных планет солнечной системы древним тюркам помимо Земли и Луны были известны Венера, Марс, Сатурн и Юпитер.

Характерной особенностью тюркской системы номинации крупных планет является наличие в их наименованиях компонентов из обозначений света, огня, воды, земли и дерева [9. С. 334]. В целом анализ данной лексики показывает, что семантически она обладает более сниженной коннотацией и относится скорее к ежедневной, обыденной, бытовой и хозяйственной деятельности человека.

В английской языковой картине мира *star* ‘звезда, светило’ ассоциируется с роком, судьбой – *be born under a lucky / unlucky star* ‘родиться под счастливой / несчастливой звездой’, *bless (thank) / curse one's stars* ‘благодарить / проклинать свою судьбу’. У каждого есть своя звезда – *follow one's / smb's star* ‘следовать своей судьбе, верить в чью-либо звезду’, *have one's star in the ascendant* ‘преуспевать’ (букв. его / ее звезда восходит), *be through with one's star* ‘испытывать неудачи (после успеха)’ (букв. его / ее звезда закатилась; закончить, покончить со своей звездой). Звезды могут указывать правильный путь, благоприятствовать человеку – *one's guiding star* ‘путеводная звезда’, или, наоборот, препятствовать – *the stars are against it* ‘сама судьба против этого’ (букв. звезды против этого).

В башкирской языковой картине мира отражено, что башкирам давно известна наука о звездах астрология и искусство гадания по звездам – *йондознама* ‘книга по астрологии’, *йондознама асыу* ‘гадать, предсказывать по книге’ (букв. открывать книгу по астроло-

гии), *йондозсок* ‘звездочет, астролог’. По звездам определяли не только будущее, но и погоду – *Если звезды будут казаться мелкими – к дождю; Если звезды будут проглядываться густо и четко – к ясной погоде* [11. С. 225].

Наблюдалось время появления звезды на небе – *таң / эңер йондозо* ‘утренняя / вечерняя звезда’, ее яркость – *якты йондоз* ‘яркая звезда’, ее падение – *йондоз атылыу* (букв. выстрелившая звезда), ср. англ. *a shooting star* ‘падающая звезда’ (букв. стреляющая звезда).

Полярная звезда представлялась древним тюркам небесным колом, вокруг которого движутся другие планеты. Кол – неотъемлемая часть быта, вокруг него на привязи ходит скот. Но небесный кол не может быть из дерева. Вторыми элементами в наименовании звезды выступают обозначения металлов – железа и золота. Пратюркская форма номинации Полярной звезды буквально означает ‘железный кол’, в башкирском языке – *Тимер казык йондозо* (букв. железо + кол + звезда). Менее распространены обозначения ‘золотой кол’, ‘одинокий кол’, ‘опорная звезда’ (кол – опора для веревки, к которой привязывают скот), ‘Северная звезда’, ‘Полночная звезда’, ‘центр неба’. Сравните английские обозначения Полярной звезды – *the Pole star* (букв. столб, жердь, шест, кол, вежа + звезда), *the North star* (букв. северная звезда), *Cynosure* (букв. путеводная звезда; центр внимания).

Сириус виделся древними тюрками как самая яркая звезда на небе. Поэтому не удивительно, что наименование жеребца как самого яркого представителя домашнего скота перенесено на самую яркую звезду на небосклоне – башк. *Айгыр* ‘Сириус’ (букв. жеребец), что сохранилось в древнетюркских памятниках. Ср. одно из английских обозначений Сириуса – *the Dog Star* (букв. собака + звезда).

Группировка звезд в созвездия в разных культурах не всегда совпадает с современными научными представлениями о созвездиях. Свидетельством о древнейших связях тюркской и индоевропейской культур могут служить и некоторые космонимы. К примеру, созвездие Водолея виделось древними тюрками как предмет домашнего обихода – кожаный мешок-бурдюк, которым доставали воду из колодца. Здесь имеется семантическое сходство с индоевропейским представлением о Водолее – наличие компонента, связанного с водой, но у тюрков это конкретный инструмент, средство хранения воды, у славян – субъект, выливающий воду. Ср. английские наименования помимо *Aquarius – the Water Carrier* (букв. носильщик, перевозчик воды), *the Water Bearer* (букв. носильщик воды). Скорпион и Телец представлялись семантически аналогично европейской традиции – башк. *Саян* (букв. скорпион), *Буга* (букв. бык, вол, корова). Ср. английское наименование – *the Bull* (букв. бык).

Млечный путь представлялся древним тюркам как некий путь, дорога, тропа, по которым движутся птицы или животные. По представлениям тюрков, эти скопления звезд служат ориентиром при весеннем и осеннем перелете журавлей, лебедей, гусей и других перелетных птиц – башк. *Кош Юлы* (букв. птица + дорога). Это древнее, первичное, возможно, общетюркское наименование. В дальнейшем в качестве второго элемен-

та стали использоваться обозначения конкретных птиц (букв. путь диких гусей, путь журавлей), домашних животных (букв. дорога овец, путь белой верблюдицы), лексика сельского хозяйства (букв. путь плуга, полоса / путь пахаря), наименования природных явлений (букв. путь снега), небесных явлений (букв. небесный шов, дорога звезды). Встречается и послеисламское обозначение (букв. путь хаджей). Ср. англ. *the Milky Way*.

Метеор представлялся и представляется тюрками как звезда, которая быстро «протекает» по небу в отличие от кометы, которая как бы неподвижна при наблюдении (букв. текущая / плывущая / скользящая звезда). Имеются обозначения, основанные и на других представлениях (букв. небесный камень, падающая звезда). Ср. английское наименование метеора *the falling star* (букв. падающая звезда).

Плеяды видны в Центральной Азии с середины июня до конца мая и не видны с конца мая до середины июля, когда Солнце находится на фоне Плеяд. В это время говорят – *Плеяды опустились на землю*. Наименование созвездия в тюркских языках отражает древнее скотоводческое представление и образовано от подражательного глагола *ürk/ülk*, означающего ‘скучиваться от испуга, в страхе бежать’, которое обычно применялось в отношении стада домашних животных, пытавшихся укрыться от жары [9. С. 349]. Это обозначение распространено в большинстве древних и современных тюркских языков, ср. башк. *Өлкәр йондозо* ‘Стожары / Плеяды’. В башкирском языке имеется и другое наименование данного созвездия – *Илэк йондозо* (букв.

решето + звезда). Действительно, если посмотреть на карту звездного неба, можно заметить, что данное созвездие похоже на решето: звезды расположены ровно по кругу, и это по форме напоминает решето. Ср. английское наименование, также отражающее количество звезд в созвездии, их скопление – *the Seven Sisters* (букв. семь сестер). В русском языке данное созвездие мотивировано, очевидно, характером погоды в тот период времени года – *Стожары*.

Таким образом, изложенные лексические данные английского, башкирского и русского языков через мифологические космологические представления помогают объективно объяснить, почему семантические составляющие выражений, ассоциативно связанных с Солнцем и Луной, антропоморфно персонифицированы, относятся к эмоциональной сфере и, в основном, коннотативно более возвышенны, чем те, что компонентно связаны с обозначениями других объектов небесной сферы. Это также свидетельствует, что картина мира, отображаемая в человеческом сознании и фиксируемая языком, может быть воспроизведена только при глобальном учете всего текста данного языка, т.е. текста, порождаемого всем обществом, текста как длительного акта познания окружающего мира. Универсальные представления еще раз демонстрируют, что концептуальная картина мира создается не отдельным этносом, носителем того или языка, а человечеством как родом в не зависимости от особенностей познавательной деятельности человека и его бытием в различных географических, исторических, культурных и других условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации: избранное: В 2 кн. / Отв. ред. В.Н. Топоров. Кн. 1: Балканистика. 314 с.; Кн. 2: Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. М.: Наука, 2008. 390 с.
2. Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М.: Флинта: Наука, 2008. 224 с.
3. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2004. 432 с.
4. История культурологии / А.П. Огурцов. М.: Гардарики, 2006. 383 с.
5. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта; Наука, 2008. 176 с.
6. Скрипник К.Д., Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Умберто Эко. М., 2006. 112 с.
7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Эксмо, 2005. 608 с.
8. Мифология: энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 2008. 736 с.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
10. Щеглов Г.В. Мифологический словарь. М., 2006. 365 с.
11. Башкирское народное творчество. Т. 7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа: Китап, 1993. 464 с.
12. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. М., 2005. 431 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 ноября 2009 г.